

В самой гуще бамбуковых зарослей, там, где воздух напоен прохладой и ароматом зелени, притаился уединенный двухэтажный дом. Над крышей, сплетенной из тростника и бамбука, лениво вился тонкий дымок.

Крыльцо и павильон соединяла узкая тропинка, выложенная речной галькой. Она петляла мимо пышных кустов роз Туми, чьи лепестки в пору цветения спорили яркостью с самой зарей. Внутри павильона царило благородное изящество: стены из светлого дерева, простая, но добротная обстановка. Каждый вдох здесь приносил тонкий, едва уловимый аромат молодого бамбука. В центре залы стоял потемневший от времени стол, на котором застыл белоснежный фарфоровый сервиз — казалось, хозяин дома в любую минуту ждет дорогого гостя.

За передним залом открывался внутренний дворик. Он был меньше внешнего, но так же полон жизни и неги. Лестница сбоку вела на второй этаж, где взору открывалась совсем иная картина. В конце длинной крытой галереи, среди причудливых узоров деревянных панелей, виднелась дверь, украшенная странной, путаной резьбой.

Из-за двери донеслось шуршание. В комнате кто-то был.

Янтарные лучи заходящего солнца просачивались сквозь решетчатые окна. Человек, лежавший на кушетке, шевельнулся. Опираясь на руки, он медленно сел. Тонкое одеяло соскользнуло на пол. Юноша поднялся, но походка его была нетвердой — то ли от долгой немощи, то ли от странного недуга. Держась за стену, он, пошатываясь, доплелся до бронзового зеркала, стоявшего у окна.

Он замер, вглядываясь в отражение собственного тела. Он был в недоумении.

Сознание всё еще было окутано туманом, мысли двигались медленно и вязко — пробуждение давалось ему с трудом. Наконец, поняв, что не пристало стоять вот так, нагим, он потянулся к окну и сорвал висевшую рядом полосу белого шелка. Обернув ткань вокруг тела, он скрыл свою наготу.

Разум казался затянутым облачной дымкой; он всё еще пребывал в том зыбком состоянии, когда явь неотличима от грез.

"Я подготовил для тебя этот путь, я принес в жертву всё, что имел."

"Это моя величайшая жертва ради тебя. Но когда всё закончится... не должен ли ты отплатить мне?"

Образ в пустоте, лик в воде, отражение в зеркале... Слова конечны, но смысл их безграничен.

Перед глазами вспыхивали обрывки образов — туманные, величественные и пугающие, словно призраки из забытых снов. От этих видений по телу пробегала дрожь.

"Кто... кто это?"

Он прижал ладонь ко лбу, силясь вспомнить того, кто мелькнул в его памяти. Человек с андрогинной, порочной красотой, чей лик казался мучительно знакомым.

"Ты должен жить... во что бы то ни стало..."

Кто же это был?

— Ты очнулся?

Услышав голос, он отвел взгляд от зеркала. В дверях стояла маленькая девочка в роскошных одеждах, с волосами, собранными в два аккуратных узла. На её лице застыло спокойствие, совершенно не свойственное ребенку; этот глубокий, холодный взгляд разительно контрастировал с юными чертами. Она, нахмурившись, внимательно изучала его.

Он ответил не сразу — реакция была запоздалой, сонной. Лишь спустя мгновение он медленно кивнул. Лицо незваной гостьи осталось бесстрастным. Юноша невольно подумал: может, он ответил как-то не так?

— О чем бы я ни спросила, отвечай только правду.

Он снова кивнул.

— Имя твое — Юй Цинъинь. Верно?

При звуках этого имени внутри что-то дрогнуло. Это он помнил отчетливо. Он кивнул, на этот раз увереннее.

— Помнишь ли ты, кто такой Фэн Цзюэчэнь?

Фэн Цзюэчэнь? Юй Цинъинь перебрал в уме это имя, но оно не вызвало в душе ни малейшего отклика. Совершенно чужое, незнакомое сочетание звуков.

— Не помню...

Услышав это, девочка заметно расслабилась. Похоже, такой ответ её более чем устраивал.

В её руке, словно из воздуха, возник веер из белых, как первый снег, перьев. Подойдя ближе, она вложила его в ладонь Юй Цинъиня. Тот безотчетно сжал рукоять, еще не понимая, для чего нужен этот предмет. А затем он увидел на губах девочки мимолетную улыбку, от которой

веяло скрытой угрозой.

— Прошлое обратилось в прах, но настоящее еще можно запечатлеть. Юй Цинъинь, отныне ты — Глава павильона Юйсюань. Тебе даровано право взора на три жизни и три мира, но на плечи твои ложится и преступление всезнания прошлого и настоящего. Я передаю тебе тайны этого места. Отныне лишь в день твоей смерти наступит твоё освобождение.

Слова обрушились на него ледяным потоком. Осколки чужих воспоминаний хлынули в разум, вгрызаясь в самую суть его линшэня. Бесчисленные образы, не имевшие отношения к его собственной жизни, клеймом выжигались в душе, заставляя переживать чужую боль как свою. Когда буря утихла, Юй Цинъинь был вконец изнурен. Сжимая рукой ноющее сердце, он бессильно опустился на пол. С его губ сорвалась капля алой крови.

— Ты... — Он поднял взгляд и яростно посмотрел на девочку. — Зачем ты заставила меня принять это?!

— Таков договор. Ты обязан унаследовать память Павильона Юйсюань.

Лицо девочки вновь стало безмятежным. В своём бесстрастии она превосходила даже самых отрешенных монахов, давно отринувших всё земное.

— Моё имя — Цзюдайхуа. С этого дня ты здесь хозяин.

Забыв о прошлом, утратив все воспоминания, Юй Цинъинь отринул прежнюю жизнь. Он не помнил даже того, что сам заключил этот контракт с Цзюдайхуа.

— Ради сокровенного желания одного человека ты... Но ты забыл его. Ты забыл всё, и даже Фэн Цзюэчэня.

Павильон Юйсюань возродился за одну ночь. У него снова появился господин.

<http://bllate.org/book/17464/1696466>